

Проглядели

РАССКАЗ

— Все ясно, товарищи. Будем докладывать. Кто за то, чтобы Леонида Силова исключить из комсомола, прошу поднять руку.

Председатель собрания нетерпеливо постукал карандашом по опустевшему звонкому графиню, взглянул на горбу окурков, похоронивших под собой повешенку, и только после этого поднял взд столом ничего не выдавшие глаза. Он не верил, что мог произнести только что сказанные слова. Из комсомола?.. Кого?.. Леонида Силова?.. Лучшего на шахте горняка, мастера на все руки?.. Нет, нет! Нудо останавливать этот бесноватый суд. Расстояю, ах, попросту, настать!..

А между тем руки по его просьбе уже поднимались одна за другой, знакомые, шершавые, жилистые.

1.
Друзья пропалише шути:
— Значит, на Украину? — Леонид не скрывал удивления.

— Конечно, на Украину, — Николай старался не замечать, что друг посмеивается над ним. Ему совсем не хотелось обижаться на друга, особенно сейчас, в минуту расставания. С Леонидом он вырос на одной улице, десять лет прожил за одной партией.

— К яблочкам? — не унимался Леонид.

— А хотя бы! Не в Сибирь же, как ты. — Николай поставил к ногам зеленый оксфордский и убожась жестко самодельный сидушечек и посмотрел в сторону паровоза, который извигнул буферами о крайний почтовый вагон.

Спор начался еще две недели тому назад. Друзья решили ехать на шахту. Какая она, знали только по книгам. Когда начали выбирать место будущей работы, мнения разошлись. Сухойлайвй несподеса, отчаянный лыжник, Леонид ратовал за Кузбасс:

— Знаешь, какие там зимы, какие снега! — горячо убеждал он Николая. — Вернусь с шахты, стану на лыжи а... — Леонид слегка наклонился вперед, приселал и замалчивал руками, будто готов был действительно выскочить из

по искрящемуся снежному склону.

Николай кривил губы. Кошачьи его нозы задрожали еще выше, полное лицо стопанилось совсем круглым, пожимая на колобок, по любимому выражению матери, души нечаявшей в единственном сыночке. Николай, первый юннат школы, и сейчас, пронахав с другом, не скрывал своей любви к садам.

— Что может быть лучше Донбасса! Шахта построит мне дом. Приведу мать. Разведем свой сад, позабудуся!

Настаскири, слушая ребяток, по-смеивалась:

— Вы бы о деле. А яблоки и лыжи от вас нинуда не денутся.

2.
Парень поставил у порога чемодан, в какую-то долю минуты оглядел кабинет, его хозяев, ослонясь в новой обстановке, по-домашнему попросил в привычно убрачу русую прядь со лба, спрятав расческу и шапку к столу.

— Мне бы секретаря горкома комсомола.

— Я секретарь. — Не по годам грузный хозяин кабинета поднялся навстречу гостю, и половина скрикнула под ним. — Что у тебя?

— Желание...

— Какое?

— Хочу стать шахтером.

— Что ж, хорошо желание.

Незнакомца с первого взгляда понравился секретарю.

— Знакомся, Леонид. Вот комсорг самой большой на руднике шахты. Пойдешь с ним. Он поможет тебе устроиться на работу.

Вечером секретарь позвонил на шахту:

— Как новичок?

— Пока не удрал. — Секретарь поздравил гостя. — Перецать подтрунивать! Скажи лучше, на каком месте парня рения оценивать. Ему же все в новинку. Помощь надо.

— О его работе еще не думал, — чистосердечно признался комсорг.

— Я сводил его в столовую, накор-

Алексей КОСАРЬ.

мы так ждали, так ждали... Все глаза проглядели, тебя ожидаючи... Вытарапа уголок передника липо и, вздохнув, молча вышла из комнаты.

Нахлынувшие воспоминания не дали Леониду уснуть. «Довольно, — Леонид с трудом прервал немые сердце воспоминания. — Этак чего доброго еще разберусь».

Он сирингу с кровати, подошел к расклатому окну. Перед ним, сколько было видно, раскинулся просыпающийся город. Недалеке, возмалывая язд домами и деревьями, чуть дымилась черная гора, по-

мил шахтерским обедом, устроил а общежитие. Пуская отдохнет с дороги. А насчет работы завтра с руководством посоветуюсь. Успейте.

Комсорг закончил шуткой:

— Зачем торопишься? Может, к утру и след новичка протынет.

3.
Леонид не спалось.

Предупреждения прозрачная голубизна аналалась в окна просторной комнаты, заподозила ее какой-то необыкновенной легкостью, невозможностью. И белые шматы простыни, изпод которых были видны взломанные головы спящих шахтеров, и байковые одеяла, сложенные вчетверо и развешенные на отпаривающихся спинках кроватей, и втажерка с книгами в углу комнаты, и массивный до блеска отпаривающийся радиоприемник на столе у окна, — все, от недавно выкрашенных полов до замаслованой люстры, устремилось навстречу приближающемуся утру.

Леонид, не мигая, смотрел на нежную голубизну. Должно быть, там же вот будут глаза у его любимой девицы. Он столько раз хотел представить ее себе и не мог. Не мог потому, что не знал, какая она будет. Может, похожая на сестренку Галю, что осталась дома в далекой Рязани с матерью-старушкой. А может, еще лучше Гали, если бывалот лучше...

Чтобы хоть как-нибудь успокоиться, Леонид отпернулся от широкого голубоватого окна, зажмурился, уткнув лицо в мягкую подушку подушки. Но разве успеешь, разве забудеши, если через глазами одна за другой встают неизбежные картины по-своему беспокойно прожитых двенадцати лет?

«Что сказал бы отец, глядя на него? Ободрился бы его выбор? Или не посоветовал бы идти в шахтеры?.. Вспомнилось, как мать по уграм, прежде чем встать за дело, поухаживала к портрету молодого с короткими волосами, седлата в простой самодельной рамке над столом и несколько минут, не шевелясь, стояла перед ним, будто намеревалась сказать: «Так и не вернуся... А уж

обшежитие, заглянул в комнату, где вчера посидели новичка, увидел его пустую кровать и произнес вполголоса с досадой:

— Значит, все-таки удрал. Я о нем вчера в шутку, а он и впрямь перелетал птица...

— Здравствуй, комсорг! Чего так рано?

Из-под белой простыни вылез обнаженный до пояса забойник, хрюкнув суставами. По рукам и груди забегали буры мускулов.

— Упустили новичка, — попробовал упрекнуть шахтеров комсорг.

Утром комсорг шахты зашел в

хочья на знакомые по книгам египетские варамады. Рядом с ней железная вышка. Это терриконы и копер — первое, что узнал накануне вечером от шахтера Леонид. Первое перед ним, во дворе общежития, полуболезная пылашка, турник. Увидел и подумал: «Нне бы дорожку беговую...» Обернулся, посмотрел в комнату — ребята спят. Ночью вернулся из шахты. Не будить же их скрипом дверей. В один легкий прыжок Леонид очутился за окном.

4.

— Да это же циркач! Ей же ей, циркач.

Шахтеры и комсорг бросились к окну.

— Нет, нет, вы только поглядите, вы поглядите, — не унимался черноголовой. — Как вам это нравится? Забылши протер глаза. Но то, что видел, не было сном.

— Ого!

— Вот это да!

— Здорово!!! — раздавались возгласы одобрения теперь уже и в других окнах общежития.

А циркачка на турнике кружилась так быстро, что в глазах рябило. Варуд он остановился на мгновение, отпрыгнул от турника, в воздухе выткнулся во весь рост и, будто заваленный, полпыл по кругу, словно крыло ветряной мельницы.

— Да он и «солнце» может! — восхищались затапки. Они хорошо знали, как не легко делать «солнце» на турнике.

«Циркач» облетел еще один круг, выпустил из рук отпаривающую до блеска перекладную турника и, переревернувшись через голову, мягло спрыгнуть на песок.

— Какой же это циркач, — обрадованный комсорг узнал вчерашнего новичка.

— Леонид, здравствуй! А мы тебя потеряли...

Пока Леонид возвращался со двора, черноголовый забойник закрыл окно, перекинул через плечо полотенце и, ни к кому не обращаясь, бросил с порога:

А я-то думал, он лыком шитый. По виду не казалось определенно. Золотое, дружное, не то, что снаружи...

5.
Чем ближе подходили к шахте, тем тревожнее становилось на душе. «Смогу ли», — думал Леонид. Это была не такая тревога, какую испытывал выкрастый подстреленный Ленка, когда вместе с другом Колей вчерашнем отпаривался в поле прицепником. Тогда было проше. Еще зимой в мастерскойazole отпаи он привык к трактору, а в поле не сводила глаза с плуга, любящий как он оставалет после себя сразу пять глубоких дырмишек под высоким солнечным лучным борозд. Весенний ветер, правый от запаха молодых трав и первых цветов, успокаивал тогда.

А сейчас тревога росла. «Какая-то она, шахта?» — сляился предста-

вить себе Леонид. «Только бы не опозориться!» — тревожила он. Разве сравнится сегодняшнее беспокорство с давнишним волнением, пережитым в по памятное утро, которое не забудется никогда. Не многие из одноклассиков могли управлять трактором, как Леонид. Хотя годами и ростом к тому времени он не вынесет, его приняли в тракторную бригаду, как равного. А в основе самого молодого в районе тракториста можно было ставить вровень с лучшими.

С того лета Леонид начал быстро взрослеть. Приходилось управляться и за отца, и за старшего брата, побиравших на фронте. У матери осталась пятеро, и Леонид вскоре стал опорой семьи. Зимой в школе, а летом в поле. Иного выбора не хотел. У него хватало сил побороть усталость, прогнать ее несней. А сейчас даже стыдно: в незнакомом городе он не мог унять тревогу. Шел и повторял про себя: «Могу ли? Был бы рядом Николай, с другим виче не страшно».

Навстречу Леониду шагали горняки с ночной смены. Иראהа они перебарывались словами. Казалось, каждый встречный видит в нем новичка. В кругу идущих иногда рождалась острая шахтерская шутка, звелела раскатистым смехом, аты-хлывала огоньками в глазах, очерченных долго не смылающийся угольной чернотой.

— Вот и шахта наша, — сказал комсорг.

— О-о! А я думал, это клуб мид театр. — Леонид остановился, чтобы лучше осмотреться. Ширькая уллица расстилается до самых стей двох огромных белых зданий. Как река перед зеленым островом, уллица разделяется надвое, схватывает сквер и ведет к воротам шахты. В середине «пустыней» поляны, перед воротами, на высоком пьедестале — устремленный вперед Киров. Правую руку он протер навстречу бесконечному потоку людей, приветствуя их, а левую, крепко связанную в кулак простую рабочую фуражку, сиртал за свою шароченную спину.

Леонид взглянул в мужественное лицо Кирова и почувствовал, как постепенно исчезает тревога. Киров будто говорил ему:

— Смелее к цели! Любые трудности преодолите.

(Окончание следует).